

## ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

© 2006 г. А.Ф. Поломошнов

### ТЕМА КУЛЬТУРЫ В ИСТОРИОСОФИИ Н.Я. ДАНИЛЕВСКОГО

Тема культуры составляет важнейшую часть историософской концепции Н.Я. Данилевского. Она рассматривается им в четырех аспектах: 1) культура как критерий исторического субъекта, 2) культура как критерий индивидуальности исторических субъектов, 3) культурное взаимодействие исторических субъектов, 4) культура как критерий исторического прогресса.

Субъектом, или основным деятелем исторического процесса, является по Данилевскому, народ или нация, главным критерием которого служит общность языка. Таким образом, первым критерием исторического субъекта выступает язык, языковая общность [1]. В.М. Хачатурян соглашается с мнением Н.Н. Страхова, который видел в выборе именно этого критерия проявление влияния В. Гумбольдта [2]. Язык Данилевского оказывается основным критерием самобытности народа как исторической единицы или субъекта, критерием историчности. Однако народы могут проявлять себя в истории по-разному.

По способности к положительной культурной деятельности все народы и нации Данилевский делит на три группы: 1) этнографический материал (общность языка, но нет государственности и отсутствует способность к положительной культурной деятельности), 2) положительные деятели истории – культурно-исторические типы или самобытные цивилизации (их критерии – языковая общность, способность к положительной культурной деятельности, которая реализуется только в условиях политической самостоятельности, наличия государства), 3) отрицательные деятели человечества (языковая общность, не способная к положительной культурной деятельности, но способная к разрушению дряхлых, томящихся в агонии цивилизаций).

Это деление народов на способные и неспособные к положительной культурно-исторической деятельности создает в «естественной системе» Данилевского внутреннее противоречие. С одной стороны, всякое племя, имеющее самобытный язык, есть самостоятельный исторический индивид, но, с другой – по не проясняемым основаниям одни народы оказываются действительными историческими субъектами, а другие нет.

Главным критерием самобытной цивилизации или культурно-исторического типа как *положительного деятельного субъекта истории* является способность к положительной культурной деятельности. В связи с этим,

естественно, встает вопрос об объяснении природы этой способности. Почему одни народы способны создать цивилизации, а другие нет? Объяснение Данилевского связано с идеей о некоем идеальном, божественном плане, заложенном Богом в судьбу каждого народа. Историческая жизнь народа есть реализация этого плана. Индивидуальный характер этой судьбы и индивидуальные особенности цивилизации объясняются особенностями духовной природы, данными народу от Бога, и воздействием внешних условий его исторической жизни. Каждый культурно-исторический тип как положительный деятель истории, согласно Данилевскому, развивает «самостоятельным путем начало, заключавшееся как в особенностях его духовной природы, так и в особенных внешних условиях жизни, в которые они были поставлены» [1, с. 111]. Духовная природа, идея, заложенная Богом, или план, тип развития, служит фундаментальным критерием индивидуальности цивилизаций. Подобно многообразию видов в живой природе, разнообразие народов в истории, по Данилевскому, «...суть выражение глубокого внутреннего плана, как бы воплощение творческой идеи во всем разнообразии, какое допускалось как внешними условиями, так и внутренней сущностью самой идеи» [1, с. 99]. Этот критерий духовной самобытности находит внешнее выражение в различии форм, разрядов культурной деятельности, в которой проявляет себя культурно-исторический тип. Поэтому в историософии «главное должно состоять в отличении культурно-исторических типов, так сказать, самостоятельных, своеобразных планов религиозного, социального, бытового, промышленного, политического, научного, художественного, одним словом, исторического развития» [1, с. 108].

Если выделение способности к культурной деятельности позволяет Данилевскому интерпретировать культуру как критерий исторического субъекта, то указание на различие духовной природы (божественного плана) народов, внешне проявляющееся в различии видов и форм культурной деятельности, и на влияние внешней природной и исторической среды позволяет ему содержательно реализовать тему культуры как критерия индивидуальности исторических субъектов. Раскрытие этой темы осуществляется сначала в форме классификации типов цивилизаций по этим внешним критериям. Затем Данилевский анализирует содержательно конкретные цивилизационные различия России и Европы.

В соответствии с этими внешними критериями исторической индивидуальности Данилевский делит цивилизации в зависимости от того, в каких разрядах или формах культурной деятельности они достигли наибольших результатов и реализовали свою духовную природу, на недифференцированные (аутохтонные), одноосновные, двухосновные, четырехосновные. Эта классификация отнюдь не является ни стройной, ни безупречной. К тому же она противоречит фактам, поскольку любая цивилизация не может существовать без развития всех четырех сторон или разрядов культур-

ной деятельности. Если же придать этой классификации тот смысл, что каждая цивилизация, развивая все стороны культурной деятельности, способна достичь совершенства в одной из них или в нескольких, то классификация приобретет явно не естественный, а произвольно-искусственный характер, ибо выбор критериев культурного совершенства – дело абсолютно произвольное, и критерии эти всегда будут субъективны и относительны. К тому же почему-то Данилевский пропускает целый ряд возможных культурных комбинаций: это двухосновные, но состоящие из иных основ, чем европейская цивилизация, это набор трехосновных возможных цивилизаций. Неоправдан логический скачок от двухосновной к четырехосновной, минуя трехосновные цивилизации.

Для того чтобы последовательным научным путем перейти от общих классификационных групп цивилизаций к конкретным индивидуальным цивилизациям, Данилевскому следовало бы теоретически разработать концепцию сущности и строения цивилизации, однако этого у него нет. Поэтому переход к списку индивидуальных, конкретных цивилизаций у него носит абсолютно произвольный характер, как и сам список цивилизаций, который вовсе не является общеизвестным и общепризнанным, как заявляет Данилевский. Это замечательное основание для выделения основных культурно-исторических типов – «общеизвестность» – есть неуклюжая попытка Данилевского преодолеть отсутствие серьезных теоретических оснований для действительного перехода от общего понятия или теории цивилизации к фактически существующим цивилизациям. «Отыскание и перечисление этих типов не представляет никакого затруднения, так как они общеизвестны.... Эти культурно-исторические типы, или самобытные цивилизации, расположенные в хронологическом порядке, суть: 1) египетский; 2) китайский; 3) ассирийско-вавилонско-финикийский, халдейский, или древнесемитический; 4) индийский; 5) иранский; 6) еврейский; 7) греческий; 8) римский; 9) ново-семитический, или арабийский; 10) германороманский, или европейский. К ним можно еще, пожалуй, причислить два американских типа: мексиканский и перуанский, погибшие насильственной смертью и не успевшие совершить своего развития. Только народы, составлявшие эти культурно-исторические типы, были положительными деятелями в истории человечества» [1, с. 111].

Даже поклонник Данилевского Бестужев-Рюмин замечает произвольность и спорность этого списка. «Можно, конечно, найти тот или другой типы недостаточно отдельными, можно отыскать другие грани между типами, можно, пожалуй, прибавить или убавить их число (выделить, например, цивилизацию финикийскую)» [3].

Кажется весьма парадоксальным, что в этом первоначальном списке двенадцати цивилизаций у Данилевского нет славянской. Ведь в последующих главах Данилевский доказывает, что Россия является самобытным культурно-историческим типом (эта идея составляет вообще пафос всего

учения Данилевского). Очевидно, что список, представленный в четвертой главе «России и Европы», есть перечень старых, зрелых, частично уже погибших цивилизаций, а российский культурно-исторический тип есть еще молодой, становящийся тип, только входящий в стадию цивилизации. Кроме того, Данилевский упоминает еще об одном формирующемся молодом культурно-историческом типе – американском, возникающем в результате переселения народов из Европы в Америку [1, с. 254, 255]. Данилевский упоминает еще о кельтском народе как одной из семи арийских языковых групп, который мог бы создать самобытный культурно-исторический тип, но его развитие было насильственно прервано в самом начале [1, с. 148].

Если использовать понятие «культурно-исторический тип» как категорию, характеризующую самобытную языковую группу, способную к образованию цивилизации и вступившую в этот процесс, тогда культурно-исторических типов у Данилевского не десять и не двенадцать, а пятнадцать и они делятся на 1) уже погибшие естественной смертью от старости: египетский, греческий, римский, еврейский, древнесемитский; 2) погибшие принудительной, насильственной смертью, не успев развиваться во всей полноте: перуанский, мексиканский, кельтский; 3) старые, вошедшие в возраст дряхлости: индийский и китайский (давно пережившие свой расцвет), романо-германский (в XIX в. прошедший пик своего развития) и 4) молодые: славянский (входящий в стадию расцвета цивилизации) и новоамериканский (находящийся на стадии формирования национальности). Причем список этот открыт в будущее, поскольку в истории могут явиться новые культурно-исторические типы. Если же использовать понятие «культурно-исторический тип» как категорию, характеризующую высшую стадию развития народа – цивилизацию, то список культурно-исторических типов сократится до указанных Данилевским десяти плюс еще вступающих в стадию цивилизации – российский тип.

Единственным реальным основанием для выделения индивидуальных типов цивилизаций у Данилевского оказывается лишь язык. Конкретные типы цивилизаций он практически выделяет по языковому принципу. Причем нарушает его. Замечание об этом не преминули сделать В. Соловьев и К. Леонтьев. Опираясь на них, Ионов и Хачатурян развивают эту критику. «Например, две разных группы языков – романская и германская, дают один культурно-исторический тип; не определен статус Византии, которую автор не рассматривал как часть греческой цивилизации, но и не выделял в самостоятельный культурно-исторический тип. Сложнейшая проблема границ локальной цивилизации вообще вообще не была поставлена в „России и Европе“. Таким образом, перечень культурно-исторических типов представляет собой одно из самых уязвимых мест в теории Данилевского, особенно из-за отсутствия аргументации» [2, с. 333, 334]. Главное же, совершенно непонятно, почему одни языки делают народ способным к созданию цивилизации, а другие нет.

Все эти неувязки позволяют «естественной классификации» Данилевского сделать вывод о том, что она вовсе не естественная, а весьма искусственная, теоретически недоработанная, с большими элементами произвольности. В этой естественной классификации используются поочередно разные и плохо связанные друг с другом критерии: то язык, то некая духовная самобытность, то формы культурной деятельности, в которых проявляется себя народ.

Все эти неувязки отражаются на практической реализации проблемы индивидуальности цивилизаций при рассмотрении Данилевским содержательных различий между российской и европейской (германо-романской) цивилизациями. Поскольку вывести цивилизационные различия из языковых в принципе невозможно, постольку реальный базовый языковой критерий при содержательном анализе различий России и Европы Данилевский практически не использует, а вместо этого применяет совершенно другие критерии, никак не связанные с его «естественной классификацией» и произвольно введенные, но зато позволяющие содержательно установить определенные различия российского и европейского культурно-исторических типов.

Действительными, исходными, первичными, базовыми критериями индивидуальности культурно-исторических типов Данилевский считает первую группу оснований, в которую включает: 1) национальный характер или психический строй народа, 2) форму вероисповедания (высшее нравственное начало) и 3) условия и ход исторического воспитания народа. Развивая тему культуры в историософии на основе идеи самобытности локальных цивилизаций, Данилевский не может обойти проблему единства и многообразия в историческом процессе. В горизонтальном плане это проблема взаимодействия сосуществующих в одном историческом времени народов, как первичных субъектов истории, друг с другом.

Эта тема рассматривается Данилевским в трех планах в зависимости от уровня цивилизационной зрелости народов: 1) взаимодействие народов, находящихся на ранней стадии этнографического существования друг с другом; 2) взаимодействие зрелых, развитых культурно-исторических типов друг с другом; 3) взаимодействие, с одной стороны, зрелого культурно-исторического типа и, с другой – народа, находящегося на этнографической стадии.

Взаимодействие народов во всех трех случаях обусловлено, по Данилевскому, естественным стремлением народа к экспансии, к расширению своего влияния, доходящей до порабощения и даже уничтожения других, более слабых народов. Естественное стремление народа к расширению своего жизненного пространства и реализации своих жизненных интересов наталкивается на такое же стремление других народов. Конфликты народов и цивилизаций являются естественным следствием их различия и различия их интересов. Этот общий закон, определяющий взаимодействие культур-

но-исторических типов, Данилевский нигде четко не формулирует, но он пронизывает весь контекст его работы «Россия и Европа», в которой он четко фиксирует противоположность цивилизаций и интересов России и Европы и вытекающую из этой противоположности неизбежную цивилизационную борьбу.

При анализе взаимодействия цивилизаций и народов во всех трех случаях Данилевского интересует проблема возможности слияния, синтеза народов в единую культурно-историческую общность. **В первом случае** Данилевский признает пластичность народов, находящихся на этнографической стадии, и поэтому допускает возможность слияния народов и образования из этого слияния нового народа, причем разными способами. **Во втором случае**, т.е. когда речь идет о взаимодействии зрелых культурно-исторических типов друг с другом в контексте культурной экспансии, Данилевский четко разводит понятия «передача начал культурно-исторического типа» и «способ распространения цивилизации» (или способ воздействия одной цивилизации на другую). Под первым понятием он имеет в виду следующее: «Передать цивилизацию какому-либо народу – очевидно, значит заставить этот народ до того усвоить себе все культурные элементы (религиозные, бытовые, социальные, политические, научные и художественные), чтоб он совершенно проникнулся ими и мог продолжать действовать в духе передавшего их с некоторым, по крайней мере, успехом, так чтобы хотя отчасти стать в уровень с передавшим, быть его соперником и вместе продолжателем его направления» [1, с. 119]. Такая передача невозможна. «Вся история доказывает, что цивилизация не передается от одного культурно-исторического типа другому» [1, с. 122].

Однако, поскольку невозможно игнорировать факт взаимодействия цивилизаций и определенного обмена достижениями, Данилевский выделяет три способа воздействия одной цивилизации на другую или распространения цивилизации: 1) пересадка с одного места на другое или распространение путем колонизации (этот способ не ведет к культурному синтезу или передаче культурных начал от одной цивилизации другой); 2) прививка, т.е. внедрение в тело одной цивилизации ростков, элементов другой цивилизации (прививка также не приносит пользы той цивилизации, на которую она прививается и не ведет к культурному синтезу); 3) удобрение (когда один культурно-исторический тип приносится в жертву другому, становясь для него культурно-историческим удобрением). Таким образом, из этих способов только последний ведет к ограниченной культурной преемственности и то лишь при условии, что определенные культурные начала от отмирающей, превращающейся в этнографический материал цивилизации передаются новой самобытной цивилизации как бы по наследству. Но они в ней не повторяются, а развиваются на новой морфологической основе. При такой преемственности важны два условия, специально отмеченные Данилевским: во-первых, – сохранение своей культурной самобытности наро-

дом, воспринимающим достижения другой цивилизации; во-вторых, – воспринять от отжившей цивилизации новый культурно-исторический тип может не самобытные культурные начала (склад ума, религию и др.), а только то, что лежит вне сферы народности, т.е. научные, технические, промышленные, художественные приемы и усовершенствования. «Народы иного культурного типа могут и должны знакомиться с результатами чужого опыта, принимая и прикладывая к себе из него то, что, так сказать, стоит вне сферы народности, т.е. выводы и методы положительной науки, технические приемы и усовершенствования искусств и промышленности. Все же остальное, в особенности все относящееся до познания человека и общества, а тем более до практического применения этого познания, вовсе не может быть предметом заимствования» [1, с. 125].

**В третьем случае** происходит простое поглощение этнографического материала развитым культурно-историческим типом. Народ может воспринять чужую культуру, если он предварительно превращен в этнографический материал, лишен политической самостоятельности или и не имел ее.

В вертикальном плане проблема единства и многообразия истории связана с соотношением всемирной и местной истории. Ключевым здесь является вопрос о том, существует ли единая всемирная история и каково отношение к ней местной национальной истории? Данилевский формулирует этот вопрос как проблему соотношения общечеловеческого к народному или национальному.

Согласно Данилевскому, общечеловеческой цивилизации и, следовательно, единого пути всемирной истории, олицетворяемого этой цивилизацией, не существует. Человечество, по его мнению, вообще есть абстрактное, формально общее понятие, которому в реальности не соответствует никакой исторический субъект. Реальными субъектами истории являются лишь отдельные, самобытные народы.

Отвергнув модель единой всемирной истории, базирующейся на категории общечеловеческого или на признании человечества как реального субъекта истории, Данилевский, опираясь на понятие человечества как собирательное единство народов, предлагает другую модель соотношения всемирной и местной истории. Всемирная история есть собирательное единство отдельных национальных историй. Смысл народной местной истории не в приобщении к общечеловеческой культуре, а в развитии местного, национального начала или потенциала.

Суть соотношения всемирной и национальной истории, по Данилевскому, выражена в его формуле: «Задача человечества состоит не в чем другом, как в проявлении, в разные времена и разными племенами, всех тех сторон, всех тех особенностей направления, которые лежат виртуально (в возможности, in potentia) в идее человечества» [1, с. 140].

Анализ соотношения местной и всемирной истории непосредственно выводит нас на проблему культуры как критерия прогресса. Применение идеи прогресса к историческому процессу предполагает выделение неких критериев, которые можно сформулировать, лишь выделив некоторые общие особенности и закономерности всемирной истории, а также некоторые общие признаки исторических субъектов или социальных организмов. Прогресс может быть рассмотрен как стадии поступательного развития этих общих признаков.

На первый взгляд кажется, что отрицание человечества как реального субъекта истории и отрицание единой всемирной, общечеловеческой истории неизбежно должны привести Данилевского к отрицанию самой идеи прогресса. И действительно, смысл исторического развития отдельных народов и человечества как собирательного субъекта истории состоит во-все не в прогрессе как поступательном совершенствовании своей первоначальной природы, а в реализации, развертывании в историческом времени изначально заложенных в их природе потенциалов, или «идеальных планов». Место прогресса занимает категория «жизненного цикла», подобного циклу любых организмов. Однако такая аналогия с возрастными периодами развития органических существ не может быть реальной основой для описания стадий жизненного цикла народа. Поэтому у Данилевского она имеет лишь вспомогательное значение. Содержательная периодизация жизненного цикла народа как культурно-исторического типа, по Данилевскому, включает в себя четыре периода (стадии): 1) этнографическое существование, 2) созидание национального государства, 3) цивилизация, 4) застой и гибель цивилизации, превращение народа в этнографический материал.

В жизненном цикле народа существуют, таким образом две линии развития. Первая – линия прогрессивного, восходящего развития, включающая в себя первые три стадии жизненного цикла народа. Из этих трех возрастов собственно прогресс связан с творческой активностью народа на стадии цивилизации, и этот прогресс состоит в развертывании накопленных на предыдущих стадиях сил и способностей. Вторая линия – нисходящая – упадок сил и творческого потенциала народа и его гибель, превращение в этнографический материал.

Оригинальность позиции Данилевского заключается в том, что он пытается соединить идею органического цикла с идеей исторического прогресса, пересмотрев модель прогрессивного исторического развития. Вместо типичной для того времени модели однолинейного прогрессивного восходящего движения человечества от низшего, несовершенного состояния к высшему, Данилевский предлагает модель мультилинейного движения разноплановых цивилизаций по разным направлениям исторического развития, разными способами и путями, в конце каждого из которых каждый народ достигает наивысшего для данного направления совершенства и наиболее полной реализации той потенции человеческой природы, которая

выпала на историческую долю этого народа по непостижимому для людей промыслу Бога.

«Прогресс состоит не в том, чтобы всем идти в одном направлении, а в том, чтобы все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходить в разных направлениях» [1, с. 110]. Во всемирной истории, по Данилевскому, народы идут не последовательно в шеренгу, передавая друг другу эстафету и сходя с исторической сцены, а в разных направлениях и в разное время, но результаты их развития идут в копилку общечеловеческих достижений и наследуются новыми цивилизациями.

Итак, по Данилевскому прогресса как единой линии поступательного совершенствования общества (ни как человечества в целом, ни как отдельного народа) нет. Но есть прогресс самобытных народов как органический цикл их жизни или развертывание идеального плана, или внутренних, заложенных в них богом потенций, через сумму органических циклов которых осуществляется общая реализация непостижимого для нас божественного идеального плана всемирной истории.

Таким образом, на уровне собирательного субъекта – человечества есть также прогресс, но в форме мультилинейного развития разными народами разных потенций человеческой природы как форма реализации общего божественного плана относительно всего человечества. И только общая собирательная сумма дает общую картину всего прогресса, понимаемого именно в этом смысле.

Фундаментом мультилинейной концепции прогресса Данилевского являются принятые им постулаты. Первый гласит о невозможности бесконечного прогресса в одном и том же направлении [1, с. 132]. Второй утверждает многообразие потенций человеческой природы. Согласно третьему постулату, каждый народ развивает не все, а некоторые, отдельные потенции человеческой природы до максимально возможного совершенства.

Из этих постулатов следуют два вывода: первый состоит в том, что «ни один из культурно-исторических типов не одарен привилегией бесконечного прогресса» [1, с. 112]. И мы добавим, ни один народ не наделен монополией на прогресс. Второй вывод составляет собственно одну из главных идей мультилинейной концепции прогресса. «Дабы поступательное движение вообще не прекратилось в жизни всего человечества, необходимо, чтобы, дойдя в одном направлении до известной степени совершенства, началось оно с новой точки исхода и шло по другому пути, т. е. надо, чтобы вступили на поприще деятельности другие психические особенности, другой склад ума, чувств и воли, которыми обладают только народы другого культурно-исторического типа» [1, с. 133, 134].

Поскольку Данилевский стремится реализовать мультилинейную модель прогресса, ему необходимы определенные критерии, характеризующие человеческую природу вообще и социальные организмы, как реальные субъекты истории, в особенности. В качестве таких критериев он избирает

«разряды культурной деятельности». Это вышеупоминавшиеся нами в связи с характеристикой различий России и Европы виды деятельности: 1) религиозная, 2) культурная в тесном значении этого слова (научная, художественная промышленная), 3) политическая, 4) общественно-экономическая.

Анализируя ретроспективно достижения цивилизаций, Данилевский на основе этих критериев выстраивает некую общую линию всемирной истории: – *от аутохтонных* культурно-исторических типов (к ним относятся Египет, Ассирио-Вавилонско-Финикийский тип, Иран, Индия, Китай), *к однокосновным* (Греция – художественно-культурный тип, Рим – политический тип, Еврейский – религиозный тип. Затем, по логике Данилевского, должен был появиться тип, развивающий оставшуюся сторону культурной деятельности – общественно-экономическую, а также осуществляющий синтез отдельных разрядов культурной деятельности. «Дальнейший исторический прогресс мог и должен был преимущественно заключаться как в развитии четвертой стороны культурной деятельности – общественно-экономической, так и в достижении большей многосторонности посредством соединения в одном и том же культурном типе нескольких сторон культурной деятельности, проявлявшихся доселе раздельно. На эту более широкую дорогу, более сложную ступень развития и выступил тот тип, который, под именем европейского, или германо-романского, главнейшим образом занял историческую сцену после распада Западной Римской империи» [1, с. 514].

Третий намечающийся или возможный прогрессивный переход во всемирной истории Данилевский связывает с будущим четырехосновным культурно-историческим типом, задатки которого он видит в российском или славянском культурно-историческом типе.

Данилевский старается осуществить синтез теории локальных цивилизаций и всемирно-исторического прогресса путем трактовки последнего через форму первого, на основе единой воли божественного провидения. Главная причина неудачи синтеза Данилевского в том, что человечество он рассматривает не как развивающийся, реальный субъект истории, целостную систему, элементами которой являются отдельные цивилизации, а как собирательный организм, т.е. популяцию независимых, самобытных цивилизаций.

Подводя итоги, следует отметить, что у Н.Я. Данилевского нет четкого, специального определения понятия «культура», но этот термин используется инструментально в разных контекстах в связи с анализом различных проблем философии истории. Исследуя проблему субъекта исторической деятельности, Данилевский рассматривает культуру как совокупность индивидуальных черт народа: психический склад национальный, особенности религиозного сознания, язык. Исследуя взаимодействие народов и тему прогресса, он трактует культуру как способ реализации задатков челове-

ской природы, как систему специфически человеческих способов деятельности (четыре разряда культурной деятельности, выделяя из них деятельность культурную в узком смысле слова). Когда Данилевский анализирует стадии развития народа, он рассматривает категорию «цивилизация» как высшую творческую стадию исторического развития народа, совпадающую с культурно-историческим типом. Цивилизация как высшая форма и стадия развития культурно-исторического типа характеризуется не только разрядами культурной деятельности, но и результатами, достижениями в разных видах деятельности, что позволяет выстроить Данилевскому общую линию всемирно-исторического прогресса.

Таким образом, у Данилевского культура рассматривается в контексте разных проблем с позиций то предметного, то аксиологического, то деятельности, то знаково-символического подходов, которые он четко и сознательно не дифференцирует. Однако его опыт показывает, что в историософии тема культуры предполагает продуктивное использование категории «культура» в контексте не одного, а нескольких различных подходов. Кроме того, Данилевский убедительно обосновал саму необходимость разработки темы культуры в связи с проблемами историософии.

### **Литература**

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2003.
2. Ионов И.Н., Хачатурян В.М. Теория цивилизаций: От античности до конца XIX века. СПб., 2002. С. 333.
3. Бестужев-Рюмин К.Н. Теория культурно-исторических типов // Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1995. С. 634.